Тига-мельник

В одной семье жил помещичий крестьянин на мельнице, звали его Ти́гой, а фамилья Мельников. От роду ему было семнадцать лет. Когда был жив отец, и жили они на мельнице у барина, хватало им пищи, и все нужды исправляли. Помер отец; что осталось, сын все прожил. Раз лег Тига на́ печь и думает: «Чем я буду кормиться? Воровать боюсь, работать ленюсь, а есть хочется». Дожил до воскресного дня и пошел в город на базар; надел худенький кафтанишко и отцов малахай. Идет красными рядами; напротив лавочки встал, стряхнулся, припрыгнул и говорит: «Эх, потягался бы, да не с кем!» И пошел дальше. Вернулся опять, дошел до этого места, встал, встряхнулся, припрыгнул и говорит: «Эх, потягался бы да не с кем!» В одной лавочке два брата красным товаром торговали и говорят: «А что, не взять ли его в работники годов на десять?» — «Можно. Мы его кликнем как вернется». Возвратился Тига, встал, встряхнулся, припрыгнул и говорит: «Эх, потягался бы да не с кем!» — «Поди-ка сюда, молодец! Ты чей?» — «Я вот Митрия-мельника сын». — «Знаем очень хорошо». — «А меня Тигой зовут». — «Знаем, знаем твово́ отца; проходя назад тому лет десять, твой отец тысячу рублей занимал у нас». — «Да», — отвечал Тига. «Так нельзя ли их отдать или заработать?» —Что же, я могу заработать, только так не пойду, а пойдемте в нижний земский суд распишемся». Обрадовались лавочники: «Пойдем!» Взяли Тигу, приходят, кланяются судьям, что вот такой-то занимал тысячу рублей десять лет тому назад, желаем, мол, этого мужика взять, чтобы он их заработал; оденем его и обуем: «Ну, как же, братец, — говорят судьи, — ты желаешь заработать?» — «Господа судьи, — говорит Тига, — позвольте мне слово молвить. Я с удовольствием бы заработал, да ведь вы видите я в чем. Мой отец занимал десять лет назад, и они брали процент по двести рублей в год. За что же я буду им работать? Я от процентов разорился». Судьи рассудили так, что лавочники виноваты остались: должны они тысячу рублей Тиге выплатить. Заспорили лавочники, что денег отцу Тигиному не давали; а судьи говорят: «Суд не глупит!» Приказали деньги принести сейчас; за смех над судом — по двадцати пяти розог в ж..у лавочникам. Вскричали полицейских и выдрали. Бегут оба лавочника из суда и горько плачут. «Вот, брать, не сообразились мы!» Идет встречу барышня. «Что вы плачете?» — «Да вот нарвались на Тигу, мельникова сына». — «Это муж мой; погодите, я ворочу все. Пойдемте со мной! Он бродяга, прохвост». Приходит женщина в нижний земский суд,

раскланялась судьям и плачет сама: «Это мой муж. За что вы купцов обидели? Он пьяница, моты́га». Судьи говорят: «Тига, это твоя жена?» — «Моя! Сейчас только вижу». — «Ну, зачем же ты ее согнал?» — «Я ее согоня́л, господа судьи, — она связалась с помещиком и бросила меня. Она у меня унесла денег семьсот рублей и на семьсот рублей одёжи; потому я и остался видите в чем». Судьи приказали послать в ее дом и запечатать сундуки, узнать, правду ли он говорит. Полицейские запечатали. Судьи пришли и все нашли, что Тига говорил. «Ну, как же ты мужа бросила и столько у него унесла? Вороти все!» Она стала отказываться. «Какой это мой муж? Он помер, мой-то муж». Суд и говорит: «Нет, голубушка, суд не любит шутить. Отдай!» За смех суда — пятьдесят розог в ж..у. Отобрали у ней деньги и одежу, и Тиге отдали. Он двести рублей тут за хлопоты израсходовал, а полторы тысячи рублей ему осталось. Пришел домой и думает: «Ну, вот ни с чего Бог дал мне денег!» Завел небольшую лавочку, стал торговать и расторговался, так что красного товару лавку завел и заторговал как богатый купец. Сидит и думает: «Вот я жил в бедности и ни с чего пью-ем готово, ношу припасёно и не работаю». Мать видит, что он расторговался: «Время, — говорит, — сынок, тебе жениться». — «Что же, мамынька, время». Стал невесту сватать, на самом конце села в кельенке у вдовы дочь. Вдова с радостью отдает за него; невеста тоже согласна. Через несколько время дал он им денег собрать сватьбу. Бедная вдова собрала как надо и в праздник пирушку сделали, и обвенчался Тига. Жили они влю́бе с женой несколько время; только замечает Тига, что чай жена с ним пьет, а ни обедать, ни ужинать не садится.

В страдное время собрались прикащики к его лавке, говорят: «Ну что, Тига, ты влю́бе с женой живешь? Ничего не замечаешь?» — «Ничего, только не обедает, не ужинает». — «Ты вот что сделай: приди домой вечером пораньше, скажи: собирай ужинать! Если не сядет — ложись, только не спи, а смотри за нею!»

Пришел Тига домой: «Собирай ужинать!» Та собрала. «Садись!» — «Нет, я недавно чай пила, не хочу». Он поужинал. «Стели постель!» Постлала́. Он лег спать и смотрит. Она легла с нём, полежала, пола́пала его руками, что он спит; тихо слезла — и на двор. Он — за нею. Там их одиннадцать сестер. Выкопали покойника, разрезали по куску и говорят между собой: «Что ее долго нет?» Она и бежит. «А ты скорее!» Он увидал это дело, на нем волосы встали дыбом. Она подошла к ним; ей кусок человечьего мяса подали, и давай есть. Он прибёг домой, лег и уснул. Она пришла, вымыла в роту и легла с нём. Утром Тига ушел в лавку, молчит. Не приходил чай пить вплоть

до обеда. Пришел обедать. Собрала она ему. «Садись, хозяйка!» — «Недавно обедала», — говорит. «Эх, хозяйка, неужто мертвое тело лучше этой пищи?» Скры́гнула она зубами, побежала в чулан, нахватала какой-то воды, подбежала и прыснула на него: «Не быть тебе молодцем, быть тебе желтым кобелем!» Взвернулся Тига желтым кобелем. Она взяла ухват и выгнала его на улицу. Собаки увидали и давай его рвать. Забился Тига под житницы и лежит там. Раз утром пошел народ на базар, и он с ним бежит. Пробегал мимо красных рядов, один лавочник крикнул: «Желтый, желтый!» Он виляет хвостом. Его прикормили калачем, и приучился он к лавке этого торговца. Жила у него собака долго, и кормил он ее хорошо. Приходит раз теща кобеля и торгует товару на рубль серебра. Набрала́ и подает деньги, а он (рубль-то) фальшивый серебряный. «Тетенька, где взяла, туды и отнеси». — «Мне такие-то дали». — «Ну, отнеси. Вот у меня желтый и то узнает». Торговец положил настоящий и фальшивый. «Желтый который лучше?» Кобель лапой настоящий и указал. Теща в кобеле зятя узнала и говорит ему тихо: «Приди вечером ко мне». Кобель ушел, когда хозяина в лавке не было: прибежал к своей теще. Теща нахватала воды, брызнула и сказала: «Не быт тебе кобелем, быть тебе добрым молодцем!» Обратился он в молодца. «Ну вот, быть бы тебе кобелем, кабы не я!» Тот поблагодарил. Она и говорит: «Не зевай, а то она тебя еще сгубит. Иди утром и гляди, когда она на задний двор пойдет убираться. Ты скорее — в хату, где у ней кувшин воды стоит; нахватай ее в рот и брызни на нее, да и скажи: «Не быть тебе молодицей, а быть сивой кобылицей!»» Он так и сделал: оборотил ее сивой кобылицей, обрата́л, седло подвязал, сел и поехал. Ездил на ней в Казань, из Казани в Рязань, из Рязани в Астрахань, из Астрахани в Самару и домой. В четыре часа четыре губе́рни объездил. И давай ее гонять по своему селу. Вышел богатеющий купец и смотрит на него. Проезжает Тига мимо него. «Тига, подъедь сюда на минутку!» Он подвернул лошадь. «Чего угодно, купец?» — «За что так мучаешь лошадь, что с нее пот и кровь даже льет?» — «Если вам это рассказывать, так долго будет». — «Пойдемте, пожалуйста, до горницы, расскажите», — сказал купец. Тига слез с лошади, привязал ее к вереге и пошел в горницу. Налил купец стакан водки и просил Тигу рассказать. «Ну, для тебя расскажу». И рассказал все что было, с самого начала. Купец и говорит: «Ну, когда так, так гоняй, брат, веселее!» От утра и до обеда он на ней ездил; подъехал к кузнице и говорит кузнецу: «Подкуй мне кобылу!» — «Сейчас». — «А сколько возьмешь?» — «Двадцать пять копеек с ноги». Отомкнул запоры, ввел в станок. Кобыла тау́рится, а кузнец, озорник, зашел сзади, да запором-то сок! Пошла кобыла в станок, ее сейчас на лямки. Подковали кобылу, привели домой. Нахватал Тига воды, брызнул

на нее. «Не быть тебе сивой кобылицей, а быть тебе доброй молодицей!» И стала перед нём девица — и руки, и ноги в подковах. Сказке конец, и я молодец.

(Записано в Симбирске от дворника Алексея)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.